

Лаборатория
Творчества

ВИТАЛИЙ МЕЛЬНИКОВ

ЖИЗНЬ. КИНО

bhv®

Лаборатория Творчества

ВИТАЛИЙ МЕЛЬНИКОВ

ЖИЗНЬ. КИНО

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)
М48

Мельников В. В.

М48 Жизнь. Кино. — СПб.: БХВ-Петербург, 2011. —
368 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0669-4

Виталий Мельников — режиссер всеми любимых фильмов: «Начальник Чукотки», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Здравствуй и прощай», «Старший сын», «Женитьба», «Выйти замуж за капитана», «Царская охота», «Бедный, бедный Павел», «Агитбригада "Бей врага"!» и многих других. Но и сама его жизнь могла бы послужить основой для увлекательного сценария. Судьба В. Мельникова насыщена событиями и фильмами. И, конечно, встречами с яркими людьми: Сергеем Эйзенштейном, Михаилом Роммом, Эльдаром Рязановым, Евгением Леоновым, Михаилом Кононовым, Юрием Богатыревым, Олегом Ефремовым, Олегом Далем, Натальей Гундаревой, Светланой Крючковой, Виктором Сухоруковым и другими. А поскольку в самом названии своей книги режиссер объединяет жизнь и кино, он увлеченно рассказывает о том, что любит и умеет делать лучше всего — о съемках фильмов.

Для широкого круга читателей

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)

В книге использованы фотоматериалы
из архива В. В. Мельникова

ISBN 978-5-9775-0669-4

© Мельников В. В., 2011
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2011

Оглавление

Предисловие	7
Тише, товарищи! Шапки долой!	10
Андалузская ночь так была хороша	16
Недоразумение	23
Явление Оверьки Чижика	29
Перековка	34
Роньжа	42
Если завтра война	53
Агитбригада «Бей врага»	62
Молодым везде у нас дорога	75
«Пятьсот веселый»	86
Факультет 138	97
«Вторые горячие»	105
Муксун в томате	115
Кто есть кто	125
Ковбойка Хо Ши Мина	146
Каспийские джунгли	150
Плашкоут «Камбала»	161
У камеры	170
Орден Ленина имени Ленина	186
Без кормчего	198
Бобик против Гамлета	205
«Начальник Чукотки»	220
Марафон	242

Кино большое – кино маленькое.....	274
«Женитьба»	283
А вы нас обманите!.....	288
Три попытки.....	298
Не счесть алмазов.....	306
Поворот «Все вдруг»	322
Новые времена	329
Фильмография.....	348
Призы и награды	355

Предисловие

Никаких записок и воспоминаний я писать не собирался. Рейхстага я не штурмовал и никаких судьбоносных перестроек не сотворял. Просто у меня получилась довольно-таки длинная жизнь, но это не моя заслуга.

Однажды домашние попросили меня привести архив в порядок. Разрозненную грудку писем, фотографий и всякой бумажной рухляди они величают «архивом». Несколько дней я трудолюбиво перебирал этот архив, но все оставил «на потом». Через год грудка бумаг увеличилась, а напор домашних усилился. Тогда я соврал, что буду писать книгу и архив мне нужен в неприкосновенности. И вот, теперь я вынужден писать нечто в чисто воспитательных целях — ведь я всегда говорил внукам, что врать — нехорошо.

Роясь в архиве, я наткнулся на жестяную коробку. На коробке ужасным почерком внука Тёмы было написано: «Дедские значки». Оказывается, внук имел в виду мои личные значки, то есть «дедовские». Здесь лежали значки с кудрявым Лениным (я был, оказывается, октябренок). Более того, я был «ворошиловским стрелком», я был «готов к труду и обороне», я собрал горы металлолома и за это тоже был награжден особым значком. Коробка со значками была тяжелая. Выходит, я славно поработал в жизни. Теперь осталось только выстроить будущую книгу

в каком-нибудь порядке. И тут меня одолели неуправляемые ассоциации. «Неуправляемые ассоциации» — это когда пытаешься вспомнить одно, а вспоминается совсем другое.

Среди самых почетных значков, подтверждающих, что я «заслуженный» и даже «народный», бережно хранится медаль нашего семейного пуделя Дарика. У детей и внуков, видимо, своя шкала ценностей. Полное имя Дарика было Эльдар. Его назвали так потому, что в пуделином семействе, к которому он принадлежал, имена всех ближайших родственников должны были начинаться с буквы «э». Кроме того, мои дети называли щенка Эльдаром, потому что любили фильмы Эльдара Рязанова. Они думали, что Рязанову будет приятно узнать о таком отличии.

Эльдару-режиссеру я не спешил сообщать об Эльдаре-пуделе. Мы встречались довольно часто. Вместе с Эльдаром-режиссером мы обнаружили в этих встречах даже определенную закономерность. Как только я приезжал в Москву на «Кинопанораму», обязательно помирал какой-нибудь вождь. Кажется, именно в день смерти Брежнева я привез комедию с двусмысленным названием «Здравствуй и прощай». В следующий мой приезд умер Черненко. Каждый раз Москва меня встречала приспущенными знаменами и траурными мелодиями.

— Может, мне вообще не приезжать? — спросил я у Рязанова.

— Что ты! Что ты! — ответил Эльдар. — Приезжай к нам почаще!

Вот такие были времена!

В кино человека, приносящего на съемках всякие неприятности, называют «бодяга». Если несколько дней подряд идет дождь или напивается артист, обвиняют не погоду и не артиста, а «бодягу». Правильно ли было и в этих случаях тоже считать меня «бодягой»? Я надолго задумался над этим вопросом. Потом меня одолели иные неуправляемые ассоциации. В груди бумаг я обнаружил пожелтевшую брошюрку на языке хинди. Я не знал языка хинди, но вспомнил, кто эту брошюрку мне подарил.

Дело было на острове Маврикий. Помню, я долго летел туда через Дакар, Тананариву, что на Мадагаскаре, и прилетел, наконец, на Маврикий. Здесь выяснилось, что меня заслали туда по ошибке. Компетентные органы в Госкино узнали, что на Маврикии затевается какой-то морской праздник. Решено было срочно порадовать островитян советским фильмом на морскую тематику. Послали мой фильм «Выйти замуж за капитана». Но только на Маврикии, в самом центре Индийского океана, обнаружилось, что это фильм о сугубо сухопутном капитане-пограничнике и девушке-фотографе — отнюдь не морячке. Мы с Верой Глаголевой не огорчились и быстро подружились с маврикийской общественностью. Вот тогда-то островитянин Джо и подарил мне свою брошюру. На папины деньги он в этом сочинении от нечего делать прославлял терроризм. Сегодня, через много лет, я полистал страницы с непонятными закорючками и стал гадать, почему он мне это подарил? Видимо, Джо хотел сделать приятное советскому человеку — между коммунизмом и терроризмом разницы он не видел. Потом вспомнились иные встречи, случаи, лица. И тут я понял, что книжка у меня получится уж очень пестрая и «выстроить» ее невозможно. Но можно свободно и безответственно плыть по волнам памяти, а там — будь что будет.

Санкт-Петербург
07. 11. 2004
Виталий Мельников

Тише, товарищи! Шапки долой!

— Здесь сливаются Шилка и Аргунь! — мать кричала мне в ухо учительским голосом. — Это так называемые «истоки»! — внушала она. У матери было два голоса: один домашний, а другой учительский, особенный, в нем слова и звуки отскакивали друг от друга, как горошины, и оставляли незримые вмятины в памяти «учащихся».

— Здесь! — кричала мать, — начинается уже другая река! Она называется Зея!

Кричать приходилось оттого, что рядом с нами грохотал ледоход. Понять, где тут Шилка, где Аргунь, да еще и какая-то Зея, сейчас не смог бы, наверное, даже лучший мамин ученик! Совершенно одинаковые льдины с гудением и стонами напоздали друг на друга, а потом взрывались и звенели и рассыпались на длинные ледяные иглы. А на смену им, кружась, надвигались и громоздились все новые и новые глыбищи. Они несли на своих горбах следы зимней, не до конца растаявшей жизни: угольные пятна отгоревших костров, вешки, обрамлявшие бывший санный путь, обломки строений и заборов, с корнем вывороченные деревья, на которых плыла захваченная ледоходом врасплох всякая лесная живность.

Мать наказала мне к реке не приближаться, подхватила коромысло с мокрым бельем и пошла к дому. Я был послушным ребенком и к несущимся льдинам не подхо-

дил, но рядом, почти на берегу, лежала толстая, ноздреватая неподвижная глыба. Если на нее взобраться, то наверняка можно было бы увидеть и Зею, и много чего еще. Я, конечно, на льдину взобрался, а чтобы увидеть всего побольше, даже подпрыгнул. Подпрыгнул и вдруг погрузился по горло в рассыпающуюся грудку ледяных иголок. Я закричал, но голос мой утонул в грохоте ледохода. Уцепиться было не за что, а ледяная каша медленно тронулась и вдруг поползла по скользкой прибрежной глине вниз к реке. Я барахтался, хватал ртом жидкую грязь, но скоро обессилел, оцепенел от холода и замер неподвижно, увлекаемый потоком. Река гремела ближе и ближе, а мне было все равно. Вдруг что-то ударило меня в бок. В это «что-то» я вцепился и прижал его к себе. Это был толстый кол, крепко вбитый на берегу еще с лета — к нему привязывали лодки. Ледяная каша нехотя обтекала, освобождая меня, и уползала вниз, соединяясь с мутным потоком не то Шилки, не то Аргуни. Я постоял на берегу одинокий и свободный, а потом, отцепившись от своего кола, побрел домой.

Способен ли пятилетний человек размышлять о жизни и смерти, справедливости и прочем вечном? Утверждаю — пятилетний человек размышляет об этом постоянно и напряженно. Взрослые — реже. Они не способны подняться над рутинной.

Через день у нас были похороны. Провалился под лед пограничник. Он утонул приблизительно в то же самое время, когда я держался за кол. Прощаться пришли все — и пограничники, и казаки с семьями. Покровка наша была старинная, екатерининских времен, казачья станица. У открытой могилы стоял на козлах красный гроб, а на груди у неподвижного пограничника лежала зеленая фуражка. Играл духовой оркестр, и все плакали. У кладбищенской ограды выстроились казаки с обнаженными шашками. Вперед вышел пограничный начальник и прокричал: «Тише, товарищи! Шапки долой! Красноармеец погиб молодой!» Все женщины заплакали громче, и моя мать тоже. Потом пограничники стреляли залпом.

Мне очень понравилось. Я даже немного пожалел, что тогда уцепился за кол, а не утонул, как пограничник. Мало того что мать отчитала меня учительским голосом, раздела догола и, укрыв толстым одеялом, заставила дышать над кипящим чугуном! Она еще пригрозила мне утюгом! Стоило ли, в самом деле, цепляться за кол? Ведь я знал этот утюг! Утюжище был черный, остроносый, похожий на пароход, но с круглыми дырочками-ноздриями и крышкой. Откинув крышку, мать засыпала в его чрево угли, а потом их поджигала. Она ожесточенно размахивала утюгом, пока в дырочках-ноздрях не появлялось синее гудящее пламя. Тогда мать осторожно прикоснулась влажным пальцем к утюговскому брюху, и он угрожающе шипел. Вот этим-то утюгом мать и пообещала прогладить меня хорошенько, чтобы выгнать из меня всю простуду и чтоб я запомнил, как это — лезть без спросу в не то Шилку, не то Аргунь. Сегодня мать про утюг не вспоминала — отвлекли похороны, но кто знает...

А когда-то давным-давно, еще до этого ледохода, мы с матерью каждый день ездили на саночках в Китай. У нас была с китайцами общая прорубь. Казаки и китайцы чистили ее поочередно и ежедневно брали воду. Женщины у проруби обменивались новостями, ссорились, мирились и сплетничали. Но, конечно, не моя мать! В споры она не вступала, всем улыбалась, и ей тоже все дружно улыпались. Она же была Учительница! Мужчины тоже в разговоры не вступали, только степенно здоровались с китайцами.

Правда, это были не совсем китайцы. Можно сказать, что даже совсем не китайцы, а обыкновенные русские. Мать непонятно объясняла мне, что была гражданская война и в Китай русских китайцев «занесла судьба». У тех, которые оказались в Китае, и у тех, которые жили в Покровке, было много родственников. На Пасху Покровка пустела — казаки отправлялись за рубеж к родственникам — праздновать. Ведь в советской Покровке Пасху не попрарднуешь! Пограничники глядели на все

это сквозь пальцы. Зато уж первое мая у нас было необыкновенное: казаки и китайцы, отгуляв Пасху, с песнями пересекали границу и потом дружно отмечали в Покровке День солидарности трудящихся. Демонстрантов у нас на базарной площади всегда было вдвое больше, чем жителей в Покровке.

Меня всеобщее веселье не удивляло. Не удивляла ни демонстрация, ни парад пограничников, ни джигитовка казаков. Ведь первое мая — мой день рождения! А в мой день рождения все должно быть необыкновенным! С утра в доме пахло пирогом и наше принаряженное семейство садилось завтракать. Я не ждал никаких подарков, потому что подарки, поцелуи и другие проявления «мещанства» у нас были не в ходу.

Поскольку отец был лесничим, наше семейство постоянно переезжало из одной глухомани в другую. Из одного казенного жилья в другое. После каждого переезда мать наспех жилью это обставляла. Она обзаводилась оконными занавесками и книжной полкой, размещала единственный, но свадебный подарок отца — швейную машину и расстилала на полу медвежью шкуру — отцовский охотничий трофей. Вторую медвежью шкуру отец прикреплял к стене собственными руками, на этой шкуре он развешивал оружие. Все! На этом очередное новоселье и заканчивалось. Не считая водружения в парадном углу портрета Вячеслава Михайловича Молотова. Непонятно почему, но мать, изъяв из очередной отцовской конторы Вячеслава Михайловича, поселила его к нам навеки. Водружение Молотова в угол стало семейным обрядом. Мать возвела наркоминдела СССР в ранг хранителя семейного очага. Может быть оттого, что мой отец тоже был Вячеслав?

Так мы и жили: мать учила покровских детей в школе, а отец пропадал в командировках по лесным уделам, засекам и лесничествам. Потом был снова ледоход и снова Первое мая, и оказалось, что мне уже шесть лет.

Пирог был готов и благоухал, накрытый чистым полотенцем, а мы ждали возвращения отца с демонстрации.

Отца «повысили», и он теперь должен был стоять на трибуне вместе с другими начальниками посередине базарной площади и помахать рукою демонстрантам. Пришел отец, как всегда, мы занялись пирогом, но мать вдруг подняла голову и спросила:

— Вячеслав! Чем от тебя пахнет?

— Пирогом, — ответил отец.

— Нет не пирогом, — мать деликатно понизила голос, — ты на что-то наступил. Ну-ка! Из-за стола!

Они отошли в сторонку и стали шептаться, потом смеяться, потом ушли в сени и принялись громко хохотать. Вернулись они, вытирая слезы и переглядываясь.

— А если это провокация? — серьезно спросила мать.

— Нормальная, человеческая реакция, — пояснил отец, и они снова засмеялись.

А дело было вот в чем. В Покровке задолго стали готовиться к Первомаю. На базарной площади из свежего желтенького теса воздвигли невиданное сооружение — трибуну. Трибуна оказалась в центре повседневной базарной жизни, и местные жители постепенно стали приспособлять ее к делу. Торговки вбивали в нее гвозди и подвешивали вязанки лука и сушеных грибов, на ступеньках старухи торговали семечками. Здесь же совершались торговые сделки. Если сделка была крупная, ее тут же обмывали. Когда дети просились «пи-пи», их пристраивали под трибуну. Народ, наконец, понял, для чего нужна эта самая трибуна, и теперь все делали под трибуной не только «пи-пи». К трибуне пролегла народная тропа! Это и неудивительно. Воздвигая трибуну, начальство и не подумало о постройке другого, менее помпезного, но крайне нужного сооружения.

Согласно законам природы, на свежем воздухе и морозце последствия всенародного пользования не очень давали о себя знать. Но пригревало весеннее солнышко, и народ близ трибуны стал как-то принохиваться и от нее отдаляться. Первыми отдалились торговки нежным товаром — луком и грибами. Затем переселились на

сельповское крыльцо торговли семечками, потом любители выпить и посудачить.

И вот, Первого мая объявились на трибуне принаряженные по случаю солнечного денька и ничего не подозревающие руководители. Они были, конечно, «рабоче-крестьянского» происхождения, люди закаленные и ко всему привычные, но вонь такой весенней силы и концентрации даже их повергла в смятение. Насторожил и напугал также политический резонанс. Демонстранты флажками размахивали, но трибуны сторонились. Между народом и вождями образовалось пустое пространство. Пограничники с винтовками наперевес по уставу печатали шаг, но «равнения направо» не держали — слегка отворачивали носы. Казачий эскадрон, отмахиваясь шашками, промчался мимо трибуны ускоренным наметом. И впервые среди присутствующих на трибуне прозвучало то самое слово: провокация.

Слово это было уже не новое. Не подвезли в Покровку соли — это, ясное дело, провокация. Перешла пограничную полосу корова — провокация. Вдруг пошел слух, что пользуются трибуной не по назначению именно зарубежные китайцы. Что все у них заранее продумано и предусмотрено, чтобы трибуну осквернить!

С утра я пошел к бережку, туда, где сливаются не то Шилка, не то Аргунь, и увидел, что пограничники с криками загоняют трехдюймовку в открытый за ночь блиндаж. Трехдюймовка повернута была рылом в сторону Китая. И правильно! Нечего устраивать провокации и портить мне день рождения! Я не знаю, как там дальше повернулось дело с провокациями в Покровке, потому что нам, Мельниковым, предстоял очередной переезд — далекое путешествие в большой город Благовещенск, где есть даже настоящие, не игрушечные, автомобили и двухэтажные дома.

Андалузская ночь так была хороша

— Здесь Зея впадает в Амур! — объявила мать. — Мы уже плывем по Амуру!

Встречный пароход дал гудок. Этот пароход был точной копией нашего «Сергея Лазо» — с таким же огромным гребным колесом на корме. Но на корме трепетал странный, незнакомый флаг, а на носу было название «Верочка» и еще что-то по-китайски. Пароходы сблизилась и склонились друг к другу бортами, потому что все пассажиры столпились на палубах. «Беяки недобитые!» — кричали пассажиры с нашего «Сергея Лазо», а с «Верочки» отвечали, что мы «сволочь краснозадая». Для судоходства на Амуре был общий фарватер и пароходо-близнецы часто встречались. Капитан приказал в жестяную трубу всем покинуть палубу и закрыть окна в каютах.

Мы сидели в запертых каютах, а капитан через свою трубу снова и снова просил нас не выходить и проявлять бдительность, потому что «граница теперь на замке». Родители воспитывали меня поочередно. Мать просвещала меня по части географии, а отец нажимал на политграмоту. «Нужно же ему хоть что-то, хоть как-то объяснять!» — говорил отец. Согласно политграмоте, получалось, что судьба развела не только людей, но и корабли. Когда-то по Амуру плавали два парохода — «Верочка» и «Наденька». Так назвал их богатый купец Чурин в честь своих дочерей.

В гражданскую войну (опять гражданская война!) Чурин сбежал на «Верочке» в Китай, а «Наденьку» советская власть переименовала в «Сергея Лазо».

— И вот мы, советские люди, — закончил отец, — плывем теперь на своем пароходе...

— И проявляем бдительность, — добавил я.

— Вечно он все переворачивает, — почему-то рассердился отец, — провокатор какой-то!

— Маленький еще, — заступилась мать.

Но я все-таки спросил про «границу на замке». Я предположил, что она теперь на замке потому, что китайцы так некрасиво поступили тогда с нашей трибуной. Отец сдержался и ровным голосом разъяснил мне «международное положение». Оказывается, виноваты вовсе не китайцы, а японцы. Это они отвоевали себе кусок Китая и назвали этот кусок государством Мань-джо-уго. Теперь они захотели прихватить еще и кусок нашей социалистической отчизны, а мы в ответ закрыли границу на замок.

— А сделал это товарищ Сталин, — добавил отец.

— И наш Вячеслав Михайлович? — спросил я у матери.

— Ну вот! — довольно улыбнулась мать. — Он уже кое-что понимает.

В Благовещенске действительно были двухэтажные дома и целых два трехэтажных: гостиница «Амур» и бывшее ГПУ, а по-новому, НКВД. Были и автомобили. Ведь Благовещенск — город пограничный, и в нем расположилось сразу три иностранных консульства: японское, китайское и этого самого Мань-джо-уго.

Консульства прятались за высокими заборами. Я однажды заглянул через щелочку во двор японского консульства. Там маленькие тоненькие японочки перекидывали через сетку мячик. Толстый японец подошел к щели и показал мне кулак. В городе иностранцы появлялись только раз в пятидневку — в банный день. Тогда городская баня закрывалась, а жители терпеливо поджидали, когда на главной улице имени Ленина появится интересная дипломатическая процессия. Первым выезжал черный

автомобиль с японским флажком и открытым верхом. Рядом с шофером-офицером сидел тот самый толстый японец, одетый в черный сюртук и с черным цилиндром на круглой голове. Японец был вылитый буржуй из журнала «Крокодил». На заднем сиденье гнездились штук шесть вывезенных на помывку хорошеньких японочек в ярких кимоно.

За японцами, чуть поотстав, трясся экипаж китайской миссии. Это была линейка — длинная телега с лохматой веревочной упряжью. Телегу тащили две шустрые монгольские лошадки. Китайцы сидели на линейке, свесив ноги, как мальчишки на заборе, и смотрели прямо перед собой, гордо не замечая японцев. Ведь Китай и Япония находились в состоянии войны. Перемирие устанавливалось только на банный день.

Процессию завершала лакированная извозчицья пролетка консула Мань-джо-уго. Он сидел, развалясь на подушках, в клетчатом пиджаке и военной фуражке с высокой тульей. На облучке возвышался бородатый русский извозчик, видимо, нанятый консулом, и непрерывно звонил в большой колокол. Почему он так трезвонил, никто понять не мог. Если консул боялся, что под пролетку нечаянно попадет кто-то из местных жителей, то он напрасно беспокоился — даже на улице Ленина глубокие колдобины и непролазная грязь гарантировали пешеходам полную безопасность. Когда процессия скрывалась за углом, следом за ней, рыча и разбрызгивая грязь, пронесился черный фордик НКВД — это органы приглядывали за дипломатами.

Мы, наконец, поселились. Отец снял половину маленького домика во дворе, на Октябрьской улице, названной так в честь Великого Октября. В одной половине дома разместилось многодетное семейство, бежавшее от голода с Украины, а в другой теперь жили мы. Наша швейная машина «Зингер-полукабинет» уже заняла свое место у окна, медвежьи шкуры и отцовское оружие также были пристроены. Вячеслав Михайлович смиренно висел

над столом. Когда я вышел погулять и поглядеть на новые места, ко мне подошла девчонка моих лет и протянула что-то черное.

— Жмыхов хочешь? — спросила она.

Я повертел жмыхи в руках и отдал обратно.

— Цэ трэба разжуваты, — пояснила девчонка и впи-лась в черный комок крепкими зубами.

— Это можно есть? — спросил я.

— А як же! — удивилась девчонка. — Мы тильки жмыхи и ядим!

Наша Октябрьская улица вела к сенному базару, потом к монопольке¹, а потом на кладбище. Сидеть на лавочке перед нашими воротами было очень интересно. С утра по Октябрьской шли русские хозяйки с корзинами, чуть в сторонке, отдельными кучками шагали китайцы и несли на прямых длинных коромыслах всякую зелень и овощи. У китайцев из-под островерхих шляп свисали косы, а китаянки мелко перебирали крошечными ножками. Ступни им с детства туго бинтовали — чем меньше ножка, тем красивее китаянка. Потом шли цыганки с цыганятами — поворожить и поглядеть, где что плохо лежит. Потом тряслись телеги с бочками, ведрами и визжащими в мешках свиньями. Потом наступала тишина. Это был кладбищенский час. На извозчике или пешком появлялись музыканты с медными трубами и огромным барабаном. Они торопились на кладбище — оживленно перекликались друг с дружкой и даже бежали, чтобы поспеть вовремя. А потом, чуть позже, издалека доносилось печальное пение труб и глухой стук барабана. На Октябрьскую вступала похоронная процессия. Впереди шли музыканты. Теперь лица у них были другие — печальные и торжественные.

Мать очень не любила, когда я сидел на лавочке в предвечернее время, потому что в это время из монопольки по домам разбредались «больные». Они качались,

¹ Винная лавка, монопольно торговавшая водкой. — *Ред.*

пели хриплыми голосами и засыпали прямо поперек тротуара или в канаве. Мать называла их всех больными, чтобы «уберечь ребенка от этого ужаса», но Верка очень смеялась и все мне объяснила: «яки таки больные? Вонны ж пьяные!» Поздно вечером, когда дневная жара спадала, на лавочках располагались женщины поболтать о разных разностях и поглазеть на прохожих. При этом они расчесывали волосы и что-то в них выискивали друг у друга. Было тепло, темно и очень красиво пели лягушки. Их в нашей канаве было видимо-невидимо и лягушачьих детей тоже. Верка мне рассказала, что лягушки так красиво поют потому, что нынче у них народились «гарны головастики».

У нас появился новый член семьи. Однажды отец разбудил меня рано и велел побыстрее одеваться.

— Мы идем на базар, — сообщил он.

— Без мамы? — удивился я.

— У нас важное мужское дело. Поторапливайся!

На базаре, как всегда, было крикливо и людно. Отец тащил меня за руку и пробирался в ту сторону, где мычали коровы и ржали лошади. «Сюда, Вячеслав Владимирович!» — окликнул нас какой-то дядька и нырнул под телегу. Мы с отцом нырнули следом. Поодаль к возу с сеном была привязана угольно-черная коровенка, один рог у нее был кривой. «Вот! — торжественно сказал дядька, — не пожалеете, Вячеслав Владимирович! Зовут Чернявка! Из хороших рук! С рекомендацией, можно сказать!»

Первой у ворот нас встретила Верка.

— Чого ж вона така криворогая? — причитала Верка, — и вымячко в ей малэнько! Пидманулы! Ох, пидманулы вас, Чеслав Владимырыч!

За отцовским плечом появилась мать.

— И правда, Вячеслав, — неуверенно сказала она, — конек-горбунок какой-то.

В Благовещенске было голодно. Через весь город отец привозил нам на велосипеде причитавшийся ему казенный обед. В жестяных судках плавали останки рыбьих

голов — это «на первое» и пшенка, сдобренная вонючим говяжьим жиром, — это «на второе». Во время обеда отец проводил со мной политбеседы. Он говорил про «границу на замке», про голод на Украине и про другие временные трудности. В конце концов, он однажды явился домой пешком без судка и без велосипеда. Оказывается, временные трудности возросли, казенные обеды отменили, а велосипед пришлось временно продать и купить криворогую Чернявку. Чернявка нас не подвела. Поначалу я сомневался, будет ли молоко у такой черной коровы достаточно белым, но оно оказалось и белым, и вкусным. Мать выгоняла корову к стаду, вечером ее встречала, говорила ей ласковые слова и старательно доила. Чернявка благодарно мычала, а на столе у нас стали появляться всякие полезные и питательные продукты. Мать хлопотала по хозяйству и пела. Она хорошо пела, но стеснялась. А при мне не стеснялась. Она пела про девицу, которая жадно глядит на дорогу, про бродягу, который переехал Байкал, а особенно часто и красиво она пела про андалузскую ночь, которая «так была хороша», а «девица поджидала милого». Почему-то как раз на словах: «это он, это он! О, мой рыцарь, мой князь!» с работы возвращался отец. Отец время от времени ворчал, что он теперь не лесничий, а канцелярская крыса, но все-таки ему нравилось, что вот уже почти год он живет с семьей и почти что в собственном доме. «Даже корова есть!» — говорил отец и смеялся.

Каждую пятидневку мы ходили в кино. На улице Ленина было два кинотеатра. Один был государственный и назывался «Гигант», а второй — частный, нэповский, под названием «Мираж». В «Гиганте» крутили «Турксиб» и «Путевку в жизнь», а в «Мираже» я быстро засыпал, потому что кино там было немое, да еще и про любовь. Но зато перед сеансами там продавались «коммерческие» пирожные без карточек!

Вечерами родители поочередно читали вслух «новинки». При чтении они спорили или смеялись. Они очень

смеялись, когда Алексашка Меньшиков и царь Петр протаскивали через щеку иголку с ниткой. И очень спорили, будет или не будет революция в Японии, когда читали книжку «На Востоке» какого-то Павленко. Отец говорил, что японцы политически не созрели, а мать, что созрели: «не дураки же они, ей-богу!». Когда родители думали, что я уже сплю, они переговаривались шепотом. Отец часто рассказывал о каком-то «амурзейлестресте», где многих «взяли» неизвестно за что. Мать ахала, а отец говорил, что это «очередной перегиб» и «недоразумение».

Однажды отец пришел с маленьким черным ящичком и треногой. «Это «фотокор», — сказал он, — будем осваивать!» Прежде всего, отец решил освоить автоспуск, чтобы мы сфотографировались все вместе. С той поры, каждый вечер мы с отцом проводили в подполье. При свете красного фонаря мы проявляли и закрепляли. Чаще всего в ванночке на листе фотобумаги не проявлялось ровно ничего или появлялось что-то смутно-расплывчатое. Но, в конце концов, совершилось чудо! Однажды я, не особенно надеясь, глядел на мокрый лист фотобумаги, и вдруг на дне ванночки, словно из ничего, медленно-медленно возникли лица матери и отца, а посерединке улыбался я. Снимок этот я храню много лет. Мы на нем все вместе, нам хорошо и весело. Такого снимка у нас уже никогда не будет.

Недоразумение

Я бежал домой сказать, что идет стадо и пора встречать Чернявку, но у крыльца остановился, как вкопанный — на ступеньках сидел незнакомый человек в военной фуражке с малиновым околышем.

— Тебе кого? — спросил малиновый.

— Это наш дом, — ответил я.

— Ваш дом? — переспросил малиновый. — Тогда входи!

Я вошел и не узнал нашего дома: все вещи были сдвинуты, все дверцы распахнуты. На полу валялись книги и бумаги. Даже Вячеслав Михайлович на стене висел как-то криво. Второй малиновый по-хозяйски рылся в ящичках материнского «Зингер-полукабинета» и вынимал горстями лоскутки, пуговицы и другую мелочь. Я не сразу увидел родителей. Они сидели в сторонке, у стены, с неподвижными лицами. Я еще никогда не видел у них таких лиц.

— Это кто? — спросил второй малиновый.

— Сын, — ответил отец, — можно ему сесть?

Малиновый хмыкнул утвердительно. Тогда я потихонечку сел на табуретку, которая стояла посреди комнаты. «Виталий, — ровным голосом сказал отец, — у нас обыск. Сиди и смотри!» И я смотрел, как совсем чужие люди перетряхивали нашу одежду, читали наши письма и отцовские бумаги, как перепуганные Веркины родственники-«понятые» дрожащими руками подписывали что-то.

А потом мне было разрешено проводить отца до ворот. У ворот малиновые остановились.

— Посреди дороги положено водить, — сказал один.

— Так ведь грязь, — возразил другой.

— Ведите по тротуару. Куда я тут сбегу? — пожал плечами отец.

Так они и уходили по дощатому узкому тротуару. Отец шел первым, а за ним, переговариваясь о чем-то своем, шли малиновые. Отца я больше никогда не видел. И, сколько я помню, мать больше никогда не пела. Ни про «андалузскую ночь», ни про «рыцаря и князя». Теперь по ночам она что-то писала, я находил скомканные и перечеркнутые тетрадные листочки и все про одно и то же: «Дорогой Иосиф Виссарионович! — писала мать. — Произошло ужасное недоразумение!» Она носила передачи, ждала казенных ответов, темными вечерами к ней приходили знакомые жены арестованных мужей и они долго обсуждали что-то. Помню, одна из них принесла «хрустальный» шар и положила его на черную бархотку. А потом они зажгли свечи, уселись тесным кружком вокруг шара и долго на него смотрели. Кто-то им пообещал, что если на этот шар долго смотреть и при этом загадать желание, то они увидят своих мужей в их тюремных камерах. Но с гаданием что-то не получилось, и мать опять проплакала всю ночь. А на утро я снова нашел много скомканных листков.

Не знала мать, а я и подавно, что многие тысячи матерей и жен во всех концах страны пишут Иосифу Виссарионычу, Лаврентию Пальчу и прочим об «ужасных недоразумениях», случившихся с их близкими. Мать пыталась устроиться на работу, но никто ее не брал, потому что «жена врага народа не должна работать в советской школе». Однако матери повезло — жена другого врага народа (та, что с шаром) пристроила мать учетчицей по сбору утильсырья. Мать приходила поздно, очень уставшая, потому что шла с другого конца города. Запершись на кухне, она долго отмывалась и меняла одежду. Теперь

она не плакала по ночам, и лицо у нее было упрямое. С таким же упрямым лицом она поднималась утром, кормила меня и отправлялась учить утильсырье.

Ту ночь я запомнил на всю жизнь. Мы услышали тихий стук в окно, и мужской голос позвал: «Гутя, Гутя!» Так зывал маму только отец. За окном белело чье-то лицо.

— Гутя, я от Вячеслава, — сказал голос.

Мать кинулась к дверям. В комнату вошел небритый человек в мятой шинели и летном шлеме.

— Не бойтесь меня, — быстро сказал человек, — Вячеслав просил передать... уезжайте отсюда к вашему отцу.

Человек протянул узкую полоску бумаги. Мать схватила записку и впилась в нее глазами.

— Это не Вячеслав писал, — сказала она.

— Писал Вячеслав, но до этого его... его допрашивали.

Человек сел и замолчал. Мать ждала.

— Мы с Вячеславом однокамерники... Я — военный летчик... Меня сегодня выпустили. А его вот... пока нет. — Гость вдруг поднялся. — Уезжайте поскорее, Гутя, вас могут разлучить с сыном. Обо мне ни с кем не говорите. Счастливо.

И летчик ушел. Мы с матерью долго разглядывали записку. Бумажка была помятая, с оборванными краями, а написано карандашом, вкривь и вкось, словно бы детской рукой.

С утра мать заварила клейстер и мы пошли по Октябрьской расклеивать на заборах объявление: «Срочно продается корова. Кличка — Чернявка. Недорого». Мать плотно прижимала листки к столбам и доскам, а лицо у нее было упрямое.

Дед Данило Фомич приезжал к нам недавно погостить и поглядеть, как мы устроились в Благовещенске. Он любил мою мать — старшую дочь Августу, а всего их у него было пять: от первой жены Фелицаты — три, от второй — Александры — еще две, а от третьей, неизвестной нам Марии Исааковны, проживающей ныне в Омске, дед получил в приданое еще двух готовеньких приемных

дочек. Так что всего получилось семь! «В этом бабском царстве ты один — моя надежда, — внушал он мне. — Да и то, ты не Трапезников, а какой-то Мельников!» После первой рюмки дед сразу начинал рассказывать про русско-японскую войну. Тридцать лет назад он воевал в Манчжурии, неподалеку от Благовещенска. Ему здесь так понравилось, что после войны он выписал сюда Фелицату и здесь укоренился. Он говорил про эту войну так, будто она закончилась вчера. Он поносил русских генералов и пересказывал армейские прибаутки. «Куропаткин в Ляояне, как тетеря в гаоляне!» — кричал дед, ожидая веселой реакции слушателей. После второй рюмки Данило Фомич исполнял свою любимую песню:

Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала,
Молодая! Эх! Молодая!
В это время из похода
Шел солдат шастого года
Из Китая! Иэх! Из Кита-ая!

На этом месте мать всегда пыталась деда остановить, но остановить его было невозможно.

Парень видит: баба пышет,
Рубашонку грудь колышет
Молодая! Иэх! Молода-ая!

После этого куплета меня обычно отправляли погулять.

Рассказывая о своих подвигах на сопках Манчжурии, дед как-то перескакивал еще через две войны — через мировую и через гражданскую — и плавно переходил к мирным временам. На то были причины. Крестьянина Данилу Трапезникова забривали на войну многократно. И если с русско-японской все было понятно, то дальше начиналась путаница. Его мобилизовали и демобилизовали: царское правительство, временное правительство, колчаковское правительство, советская республика,

дальневосточная республика. Сколько раз в его село Видоново Тобольской губернии входили очередные победоносные войска, столько раз победители и зачисляли крестьянина Трапезникова в свои ряды. Конечно, когда «разгромили атаманов, разогнали воевод», советская власть объявила всеобщую амнистию, но дед, понасмотревшись на всякие власти и правительства, тихо поселился в сторонке — в Омске. «Совью свое гнездо!» — объявил дед, зазывая нас в гости. И вот мы теперь спешно пакуем медвежьей шкуры и «Зингер-полукабинет». Мать аккуратно обшивает мешковиной швейную машинку — отдельно и кружевной чугунный станок — отдельно. Химическим карандашом она выводит: «Станция назначения — ст. Омск».

Но дед Данило Фомич так и не свил своего гнезда. Мы приехали в Омск на Тверскую улицу восемьдесят «а» и увидели мазанковую халупу в два окошка с недоделанной свежей пристройкой и нарисованной на ней большой буквой «А». Было раннее утро. С полу уставилось на нас множество женских и детских глаз. Никогда не думал я, что у меня столько теток и двоюродных сестер. Родные дочери деда уже народили своих дочерей, а две дочки неизвестной нам Марии Исааковны еще по две девчонки. Из них одна пока не умела говорить, а другая вообще была глухонемой. И все это семейство кричало, мычало, непрерывно требовало поесть, пописать и покакать.

А деда Данилу в разгар достройки задуманной пристройки пришли и арестовали малиновые «за сотрудничество с адмиралом Колчаком». Приговор: десять лет «без права переписки». Мы тогда еще не знали, что на языке малиновых это означает «расстрел».

Дедовское гнездо с шумом и плачем поднималось и с такой же суетой и криками устраивалось на ночлег. Это было нелегкое дело, потому что на полу нашей хибары нужно было расположить еще и мужей, возвращавшихся вечером с работы. Никто нас здесь не ждал, но и уехать отсюда мы тоже не могли — мать боялась потерять

связь с отцом и боялась малиновых. Оказывается, прав был летчик: таких, как мы, приказано было разделять. Ребенка — в детдом, мать — в ссылку.

В школе на самой окраине Омска требовался библиотекарь. Мать согласилась взять временно, на полставки, без отметки в паспорте. Мы стали жить в библиотеке — приходили на Тверскую только ночевать. Брели в темноте по колено в снегу, потому что уже наступила зима. Мы приходили в храпящую и сопящую хибару, и мать в запечном закуске потихоньку стирала и гладила, для того чтобы наутро в школе и библиотеке мы «выглядели прилично».

Явление Оверьки Чижика

В нашем библиотечном сидении мать все чаще вспоминала свое детство, дедовское село Видоново и многочисленную сибирскую родню. Я узнавал всякие интересные истории про Трапезниковых и Трусихиных.

Трапезниковы занимались хлебопашеством, извозом, держали почтовых лошадей, а прадед Фома Иваныч даже построил отдельный просторный дом — «фатеру» — для всякого проезжего начальства. Трусихины, родня по женской линии, разводили птицу — кур, гусей, уток — и гнали зимой обозы с мороженой птицей на дальние сибирские ярмарки в Ишим, Ирбит и даже в Семипалатинск. Здесь они обменивались товарами с кочевым народом — киргизами и казахами. Получилось так: у Трусихиных был товар, а у Трапезниковых лошади, чтобы этот товар перевозить. На том они познакомились, подружились, а потом и породнились. Доходило до того, что если в роду Трапезниковых рождалась девочка и ее называли Августой, то и новорожденную девочку из Трусихиных тоже называли Августой.

Многочисленный, трудолюбивый и сплоченный клан Трусихиных-Трапезниковых задавал тон в Видонове. Мать рассказывала и про других видоновских жителей. Неподалеку от Видонова, за рекой Ишим, жила, к примеру, семья местного колдуна и конокрада Гришки Распутина.

Гришка притащился в Питер, заколдовал царя с царицей, а потом никак не мог расколдовать. Он даже приезжал в Видоново, каялся всенародно и подарил жене шаль с царицына плеча. Потом он все-таки опять потащился в Питер, снова принялся за свое, и его, слава богу, утопили. Такова была видоновская версия.

— Жили здесь сытно и привольно, — говорила мать, — бедствовали только уж совсем ленивые.

Мать рассказывала про какое-то семейство по кличке Чижики. Чижики не сеяли, не пахали, летом попрошайничали, а всю зиму сидели на печи, потому что порток у них не было.

— Это сказка? — спросил я.

— Самая настоящая бль, — ответила мать.

Теперь у нас с матерью появилась цель и мечта: когда весной вскроются реки, мы поедем в Видоново. Столько там родни! Найдется и для нас уголок.

— А как же папа? — спрашивал я.

— Мы обязательно встретимся и найдемся! — Лицо у матери становилось привычно упрямым.

— Расскажи мне тогда про Мельниковых, — требовал я.

И мать рассказывала, как дед Владимир Мельников с женой Евдокией и четырьмя детьми жили на горных золотых приисках, как мой отец — Вячеслав — стал лесничим и как они с матерью познакомились.

— А почему он Вячеслав? — допытывался я.

— А потому что, когда-то очень давно, Мельниковы дружили с семьей ссыльных поляков. И тогда польского мальчика они сговорились назвать Владимиром, а русского — Вячеславом.

— Тогда уже были ссыльные? — удивлялся я.

— Ссыльные были всегда, — заключила мать.

Мы ждали весны! Все дозволенные мне по возрасту книжки в нашей родной библиотеке были уже прочитаны, и теперь я читал, что попало. Особенно я любил рыться в куче потрепанных книжек с ятями и твердыми знаками. Там я нашел «Вечера на хуторе близ Диканьки»,